

Их сердца утишая и лютость.

Августин

Хвалю твое старание понять тайный смысл этого поэтического рассказа, ибо думал ли об этом сам Вергилий, когда писал, или подобный умысел был ему совершенно чужд и он желал описать в этих стихах только морскую бурю и ничего более, – во всяком случае, то, что ты сказал о ярости гнева и о власти разума, кажется мне верным и остроумным. Но возвращаюсь к началу моей речи: против гнева и остальных страстей, особенно же против той заразы, о которой мы как раз говорим, приводи себе всегда на память какое-нибудь изречение, встретившееся тебе при внимательном чтении. Отмечай полезные изречения, как я сказал вначале, известными знаками, которые наподобие крючков удерживали бы их в памяти, когда они захотят ускользнуть из нее. С их помощью ты станешь непоколебимым как против всех других соблазнов, так и против той мрачности духа, которая, подобно смертоносной тени, губит и семена добродетелей, и все плоды дарований и которая, словом, – как прекрасно говорит Туллий – есть источник и начало всех бедствий. Разумеется, нет ни одного человека, который не имел бы многих причин для скорби; не говорю и о том, что воспоминание о твоих прегрешениях законно гнетет и тревожит тебя: это единственный спасительный вид скорби, раз только она не переходит в отчаяние; но если ты внимательно присмотришься к другим и к самому себе, ты, конечно, должен будешь признать, что небо даровало тебе много благ, которые дают тебе право утешаться и радоваться среди стольких ропщущих и страждущих. Что же касается твоих жалоб на то, что ты еще не жил для себя, равно и твоих жалоб на неудовольствие, которое причиняет тебе городской шум, то немалым утешением должны тебе служить подобные же жалобы знаменитейших людей и то соображение, что если ты по собственной воле попал в этот водоворот, то по своей же воле можешь и вынырнуть из него, если только сильно пожелаешь. Притом долгая привычка может приучить твои уши внимать разноголосому крику толпы с таким же наслаждением, как шуму водопада. И, как я сказал, ты очень легко достигнешь того, если сначала смиришь смятение твоего духа, ибо ясное и спокойное сердце остается невозмутимым, клубятся ли вокруг него бродячие облака или звучит над ним дальний гром. Так, точно стоя в безопасности на сухом берегу, ты будешь созерцать чужие кораблекрушения и молча слушать горестные вопли тонущих, и сколько жалости внушит тебе это печальное зрелище, столько же радости будет возбуждать в тебе твоя собственная безопасность по сравнению с опасным положением других. Поэтому я твердо надеюсь, что ты вскоре совершенно изгонишь печаль и твоего сердца.

Франциск

Хотя многое звучит для меня как насмешка, особенно твое утверждение, что мне легко покинуть города и что это вполне в моей воле, но так как во многом ты убедил меня разумными доводами, я хочу и тут сложить оружие, прежде чем потерплю поражение.

Августин

Итак, ты можешь теперь же сбросить с себя печаль и примириться со своей судьбою.

Франциск

Конечно, могу, если только судьба действительно существует. Ибо, как ты знаешь, греческий поэт и наш сильно расходятся на этот счет: в то время как первый ни разу не удостоил упомянуть о судьбе в своих произведениях, как бы признавая, что она – ничто, наш не только часто поминает ее, но в одном месте даже называет всемогущей. Это мнение разделяли и знаменитый историк, и великий оратор; именно Саллюстий Крисп говорит, что судьба, несомненно, властвует во всем, а Марк Туллий не усумнился признать ее владычицей человеческих тел. Что я сам думаю о ней, то мне, может быть, представится другое время и место высказать. Что же касается обсуждаемого нами предмета, то твои наставления были мне так полезны, что, сравнивая себя теперь с большинством людей, я уже не нахожу своего положения столь жалким, как раньше.

Августин

Я рад, что принес тебе некоторую пользу, и хотел бы принести большую; но так как нынешняя беседа довольно затянулась, не отложить ли нам то, что еще осталось, на третий день, когда и кончить?

Франциск

Я лично всем сердцем обожаю число три, не столько потому, что оно содержит в себе трех Граций, сколько потому, что оно, как известно, всего милее божеству. Таково не только твое мнение и других учителей истинной религии, всецело возлагающих свою веру на троичность, но даже